

Пушкин и Вальтер Скотт¹

В двадцатых-тридцатых годах XIX в. произведения Вальтера Скотта пользовались мировым успехом. Читательские массы всей Европы буквально глотали его романы. Величайшие писатели эпохи были увлечены ими так же, как широкие массы. Гете, Бальзак, Манцони, Пушкин, Белинский принадлежали к числу самых восторженных читателей Скотта.

Такой всеобщий успех должен иметь объективно-исторические, социальные причины. Нетрудно понять, почему именно в это время исторические романы Скотта так были созвучны мироощущению широких масс. Ведь как раз в эту эпоху закончился тот великий исторический этап — французская революция, революционные войны, эпоха Наполеона I, — во время которого жизнь народных масс Европы была непосредственно потрясена великими историческими событиями.

Прежние революции не оказывали такого непосредственного влияния на жизнь масс в общеевропейском масштабе. Не имела такого влияния английская революция XVII в. Войны абсолютных монархий опустошали отдельные области, ввергали их в нищету, но не втягивали, да и не могли втянуть в свой водоворот жизнь всего народа, потому что цели их были чужды народу и его стремлениям, потому что народ был лишь пассивным, страдающим объектом этих войн.

Совершенно иное действие произвели революционные и наполеоновские войны. Во многих странах они принесли с собой ликвидацию пережитков феодализма. Во многих странах они вызвали, в виде противодействия игу Наполеона, пробуждение национального чувства — его первые проблески, неясные, противоречивые, часто носившие реакционный характер. Ни один человек в Европе не вышел из этого кризиса таким же, каким был до него.

Поэтому широким массам стали понятны исторические сдвиги, решающее влияние истории на личную жизнь всех людей, на индивидуальное развитие и благополучие каждого отдельного человека. Скотт, как поэт этого чувства, как художник, отображающий исторические сдвиги и кризисы в зеркале личной жизни, стал любимейшим писателем своего времени.

¹ Перевод с немецкой рукописи Н. Волькенау.

Скотт явился продолжателем лучших художественных традиций реализма предшествующего периода. Он поднял эти традиции на более высокую ступень. Великие реалисты XVIII в., как, например, Фильдинг, уже считали себя историками частной жизни. Но Вальтер Скотт первый сознательно ставит «историзм» каждого «частного» существования в центр своего творчества. Это значение Скотта ясно понял Белинский. Он называет его «вторым Шекспиром», и как раз потому, что Скотт в своих исторических романах показывает единство жизни и искусства через историю.

Это подчеркивание единства жизни и искусства очень важно. В результате сильнейших кризисов, пережитых этой эпохой, как в науке, так и в искусстве, возник опасный, реакционный псевдоисторизм. Реакционеры превратили историзм в знамя контрреволюции и всяческого мракобесия. Историзм сводился для них к сохранению абсолютной монархии и феодальных привилегий, к сознательному отстранению от современности, от прогрессивных, стремящихся вперед народных сил. Ярче всего воплощены были эти тенденции в упадочном аристократизме Шатобриана.

Вальтер Скотт, хотя и консерватор по своим политическим убеждениям, изображает, в противовес этим реакционерам, ту социальную борьбу, которая с исторической необходимостью привела к созданию буржуазной Англии и буржуазной Франции. Он показывает этот прогрессивный процесс во всей его противоречивости; он показывает как героические, так и низменно-эгоистические страсти представителей обоих лагерей как буржуазного прогресса, так и феодального мира (даже пережитков аристократического общества), разрушаемого возникающим капитализмом. Но в первую очередь он показывает, как разыгрывается этот процесс в самом народе, через посредство самого народа. Права была Жорж Занд, когда говорила о Вальтере Скотте, что «он — певец крестьянина, солдата, отверженного, ремесленника».

Путеводной звездой поэтического пути Пушкина был Шекспир. Пушкин стремится достичь универсальности, поэтической патетичной объективности и народности Шекспира в изображении современных проблем. В своей полемике Пушкин нередко называет направление своей поэзии «романтическим»; но это определение отнюдь не следует понимать в том смысле, который придает ему школьная эстетика. В устах Пушкина оно никогда не служит оправданием реакционной романтики Франции и Германии. Напротив, Пушкин неоднократно упрекает французских романтиков в том, что они — не настоящие романтики в его понимании, что они не преодолели до конца классицизм (то-есть придворную аристократическую, ненародную поэзию).

Великий творческий путь Пушкина не имеет ничего общего с такой романтикой. Он ведет, через преодоление бунтарского субъективизма Байрона, к универсальной поэтической объективности Гете и Шекспира.

Творчество Вальтера Скотта — важная веха на этом пути развития Пушкина. Влияние Скотта побуждает Пушкина к углублению и кон-

кретизации его шекспировских тенденций. Сам Пушкин очень ясно говорит об этом значении Скотта:

«Главная прелесть романов W. Scot¹ состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем, не с enflure фр[анцузской] трагедии, не с чопорностью чувствительных романов, не с dignité истории, но современно, но домашним образом. Они не походят (как герои Французские) на холопей, передразнивающих la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières»².

В другом месте Пушкин очень четко определяет, в чем именно заключается тот новый — даже по сравнению с Шекспиром, и Гете — шаг по пути развития реализма, сознательно-исторического восприятия действительности, который сделал Вальтер Скотт:

«Действие В. Скотта! ощутительно во всех отраслях ему современной Словесности. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, не смотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете» (там же, стр. 68).

Из этой цитаты видно, что влияние Вальтер Скотта укрепляет шекспировские тенденции Пушкина; его стремление к всеобъемлющей исторической правдивости и объективности, к широкой и богатой народности. Скотт является для Пушкина современным образцом того, как удастся вдохнуть жизнь в исторический рассказ, как удастся преодолеть искажение великих исторических событий, которое получается при внесении в рассказ исключительно субъективной точки зрения писателя.

Эта тенденция Пушкина сказывается в его критических замечаниях по поводу творчества его современников. Пушкин — один из немногих людей, понявших до конца все значение того метода изображения исторической действительности, который применял Вальтер Скотт. Он понимает, что сущность этого метода в первую очередь заключается в глубоком проникновении в сущность социальных боев и в обусловленные ими человеческие судьбы и страсти, а не только в удачном нагромождении исторически подлинных, но не имеющих значения деталей. Исходя из этой точки зрения, Пушкин проводит резкую грань между Скоттом и его мелкотравчатыми соперниками, над которыми зло смеется:

«Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV, проглядывает накрахмаленный галстук нынешнего dandy. Готические героини воспитаны у Madame Campan, а Государственные люди XVI столетия читают Times и Journal des débats. Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни!» (там же, стр. 78—79).

¹ Собрание сочинений Пушкина, изд. Академии наук, Ленинград, 1928, том IX, стр. 22.

² Они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны.

Пушкин совершенно ясно видит, что эта «модернизация» истории неизбежно влечет за собой умаление ее. Он видит, что действительность интереснее и многостороннее, богаче и величественнее, чем все эти субъективистические умствования и «утлубления» ее. В чрезвычайно пронизательной критике «Кромвеля» Виктора Гюго и «Сен Мара» А. де Виньи он показывает, как эти писатели своими «поэтическими вымыслами» исказили великий образ революционного политического деятеля и поэта Мильтона, разменяли его на мелочи. И здесь Пушкин снова противопоставляет эту погоню за эффектами простоте и величию Вальтер Скотта.

Глубокое понимание сущности и величия метода Скотта, обогатившего литературное изображение исторической действительности, ярче всего сказывается в творчестве Пушкина. Он сумел, как немногие, уловить трудноуловимую сущность исторического романа: изображение исторической жизни народа в периоды больших кризисов. Бальзак в одной критической статье подчеркнул неизбежное композиционное следствие такой установки писателя: великие, выдающиеся исторические деятели могут быть в историческом романе только второстепенными персонажами. Богатство и сложность исторической жизни адекватно отражается лишь в повседневной жизни человека из народа. Конечно, подход писателя к этой повседневности должен быть не банальным, не будничным.

Этот композиционный принцип классического исторического романа Скотта, сформулированный Бальзаком, находит свое полное творческое воплощение в «Капитанской дочке» Пушкина. Кроме Пушкина только Манцони и Бальзак поняли основной принцип великой народности искусства Вальтер Скотта. Но Пушкин идет по его пути еще дальше, чем великий итальянец, и даже чем Бальзак в своем юношеском историческом произведении («Шуаны»). Его Пугачев — как раз потому, что он не является в романе главным действующим лицом — гораздо сложнее и многостороннее связан с народной жизнью, с теми течениями народной жизни, историческим носителем и выразителем которых он является, чем исторические персонажи великих современников Пушкина. Бальзак достигает в своем творчестве апогея народной простоты и величия только тогда, когда отходит от исторической тематики и применяет принципы Скотта к изображению современности.

Влияние Скотта на Пушкина, развитие тенденций творчества Скотта в произведениях Пушкина не исчерпываются историческим романом. Литературным источником исторических романов Скотта является юношеская драма Гете «Гец фон Берлихинген». Скотт более полно охватывает историческую жизнь, поднимается на более высокий уровень поэтического отображения истории, чем Гете в «Геце фон Берлихинген». В «Борисе Годунове» весь опыт поэтического восприятия и изображения исторических событий используется в исторической драме. Новый расцвет исторической драмы, начинающийся «Гецем фон Берлихинген», достигает своего апогея в «Борисе Годунове» Пушкина.

Пушкин в своей концепции исторической драмы явно исходит из манеры изображения исторических событий, свойственной Скотту. «Что разбивается в трагедии?» — спрашивает он, — «какая цель ее? Человек и Народ — судьба человеческ[ая], Судьба народная» (там же, стр. 122).

Такой подход к исторической драме лежит в основе и юношеской драмы Гете. Но эпическое богатство исторической жизни еще подавляет в ней драматический принцип. В процессе своего дальнейшего развития Гете, а с ним и Шиллер (хотя он идет совсем отличными творческими путями) пытаются внести композиционные принципы великих трагедий Шекспира — «Отелло», «Макбет», «Лира» — в структуру исторической драмы. Возникают широко задуманные исторические драмы, в которых историческая жизнь народа изображается по-новому, более углубленно. Вспомним хотя бы «Эгмонта» Гете, «Лагерь Валленштейна» Шиллера.

Но драматическое сочетание индивидуальных и исторических судеб главных героев не связано в них органически, драматически с изображением народной жизни, жизни масс. Чрезвычайно характерно, что в том произведении, в котором Шиллер дает наиболее углубленное изображение народной жизни (в «Лагере Валленштейна»), эта картина народной жизни остается у него только картиной, только прологом драмы. Трагедия самого Валленштейна разыгрывается исключительно у него «на верху» в валах замка. Драматического взаимодействия между «судьбой человеческой» и «судьбой народной» Шиллер изобразить не смог.

Величие «Бориса Годунова», значение которого редко понимают во всей его полноте, заключается как раз в изображении этого взаимодействия. Пушкин, в противоположность Шиллеру и Гете, берет за образец шекспировские драмы, тематика которых заимствована из истории Англии. Но его концепция истории, как жизни и судьбы народов, обогащена опытом двух веков, отделяющих его от Шекспира, особенно опытом великой эпохи революционной перестройки Европы.

В историческом романе Вальтер Скотта этот опыт был впервые творчески осознан, из него впервые почерпнуты были новые принципы изображения истории. Эти новые принципы — изображение более тесной, исторически осознанной связи между характером и судьбой великих исторических деятелей и повседневной жизнью народа, которую исторические события всколыхнули до самых глубин, Пушкин вносит в историческую драму.

Уже Бальзак указывал на то, что исторический роман Вальтер Скотта как раз в этом отношении таит в себе драматические элементы. Пушкин — и один только Пушкин во всей мировой литературе — сделал центральным моментом предпринятого им обновления исторической драмы как раз этот открытый Скоттом драматический элемент. Изображение взаимоотношений и связи героев, в которых воплощены великие, действительные силы истории, с жизнью народа, подняты им на высший уровень, которого когда-либо достигала историческая драма. Он так же, как и Шекспир, черпал свою трагическую поэзию из драматической сущности самой истории.

Эти стороны творчества Пушкина ставят перед нами чрезвычайно актуальные вопросы. Тема — Пушкин, как продолжатель Вальтера Скотта — является не только литературно-исторической проблемой, но в то же время и злободневнейшим вопросом нашей современной литературы.

Волнение масс, вызванное великими историческими событиями, и возникшее на этой почве в народе живое чувство, ощущение истории в эпоху, когда творили В. Скотт и Пушкин, было, несмотря на всю свою значительность, только маленькой волной в народном море по сравнению с теми сдвигами, которые переживают в наше время сотни миллионов людей. Значение этого различия не исчерпывается количественным моментом, но гораздо важнее. В нашу великую эпоху массы впервые в истории становятся ее сознательными носителями и творцами. Они сознательно переделывают мир, переделывают свою собственную жизнь и самих себя. Период социализма превращает историю в объект переживания и познания всего народа, освобожденного от гнета классового общества, и делает это с небывалой широтой, на небывало высокой ступени.

Поэтому поэтическое отображение истории, соответствующее такому высокому уровню развития, становится центральной проблемой нашей литературы. Великое литературное наследие, которое мы должны освоить в этой области, теснейшим образом связано с отмеченными выше тенденциями развития Пушкина. Шекспир и Гете, Вальтер Скотт и Пушкин подняли поэтическое изображение истории на громадную высоту. Только подлинное овладение этим наследием может помочь нам создать такое творческое отображение истории, которое было бы достойно нашей великой эпохи.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
ЧЕТВЕРТАЯ

Г О С Л И Т И З Д А Т

1 9 • А П Р Е Л Ь • 3 7